

УДК 908

НАЦИОНАЛЬНАЯ АДЫГСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В 20-Е ГГ..XX В. (К ПРОБЛЕМЕ ИНКОРПОРАЦИИ В РОССИЙСКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО)

Бочкарева Анна Станиславовна
к.ист.наук., доцент

Хотина Юлия Васильевна
к.ист.наук., доцент
ФГБОУ ВПО "Кубанский государственный технологический университет", Краснодар, Россия

В статье рассмотрены вопросы связанные с участием национальной адыгской интеллигенции в функционировании агитационно-пропагандистских структур советской власти на территории Кубано-Черноморской области в 20-е гг. XX в.. Статья выполнена в рамках регионального конкурса: «Северный Кавказ: традиции и современность» 2014 г. - Краснодарский край. 14-11-23007 тип проекта «А (Р)», тема: «Роль национальной интеллигенции в инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство к. XIX в. – 20-е гг. XX в. (по материалам адыгских народов)»

Ключевые слова: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, АДЫГИ, АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ИНКОРПОРАЦИЯ, АГИТАЦИЯ, ПРОПАГАНДА, НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА

UDC 908

THE NATIONAL ADYGHE INTELLECTUALS, AGITATION AND PROPAGANDA ACTIVITY OF THE SOVIET POWER IN THE BLACK SEA AREA IN THE 20TH. XX CENTURY. (TO THE INCORPORATION PROBLEM IN THE RUSSIAN SOCIAL AND CULTURAL SPACE)

Bochkareva Anna Stanislavovna
Cand.Hist.Sci., associate professor

Khotina Yulia Vasilyevna
Cand.Hist.Sci., associate professor
FSBEE HPE Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Questions, which are considered in the article, are connected with participation of the national Adyghe intellectuals in functioning of agitation and propaganda structures of the Soviet power in the Black Sea area in the 20th of the XX century. The article is made in the framework of regional competition: «North Caucasus: tradition and modernity» 2014. – Krasnodar region. 14-11-23007 the type of project «A (P)»
The topic is «The role of national intelligence in the incorporation of the North Caucasus in the Russian geopolitical space at the end of XIX century – the 1920s (by materials of Adyghe people)».

Keywords: INTELLECTUALS, IDEOLOGY, ADYGHE, AGITATION AND PROPAGANDA ESTABLISHMENTS, INCORPORATION, PROPAGANDA, PROMOTION, ETHNIC MINORITIES

Исследование проблемы, связанной с агитационно-пропагандистской деятельностью органов советской власти на территории Кубано-Черноморской области в 20-е гг. XX в. и участием в ней национальной адыгской интеллигенции, достаточно актуально, так как вполне очевидно, что именно национальная интеллигенция, как духовная, так и светская, оказывала значительное влияние на политические процессы, выступала интегративной основой для малой и большой социальной группы, нации, и, тем самым, способствовала инкорпорации адыгов в российское социокультурное пространство. К сожалению, и в зарубежной и в отечествен-

ной исторической науке очень мало специальных работ, в которых бы исследовалась данная проблема как сложный и многомерный объект. Тем не менее, некоторые исследователи отмечают, что действия советской власти в отношении адыгской интеллигенции шли в русле политики новой власти в отношении российской интеллигенции в целом, но при этом имелись свои особенности, обусловленные спецификой общественной жизни адыгов [1,с.114].

На Кубани агитационно-пропагандистская деятельность началась сразу же после установления советской власти в марте 1920 года и проводилась в особых условиях, поскольку на территории Кубано-Черноморской области проживало более 100 национальностей, среди которых по указанию ЦК, необходимо было развернуть активную агитационно-пропагандистскую работу для предотвращения межнациональной напряженности и формирования их лояльного отношения к советской власти. Вследствие чего перед органами советской пропаганды ставились специфические задачи, а главная цель советской пропаганды на Кубани была направлена на создание положительного образа новой власти и ликвидацию антисоветских устремлений различных групп населения, в том числе и адыгской национальной интеллигенции. Одной из актуальных задач была задача органичного вписания национальных районов Северного Кавказа в советское геополитическое пространство не только для властей, но и для адыгской интеллигенции[2,с.116].

Необходимо особо отметить, что в период установления советской власти на Северном Кавказе, адыгская национальная интеллигенция условно делилась на светскую и мусульманскую духовную. Последняя была более консервативна, но влиятельна и многочисленна. Осуществить эффективную кадровую политику в национальном регионе, провести коренизацию управления и образования без участия мусульманского духовенства было крайне затруднительным для представителей советской вла-

сти[3,с.120]. Учитывая этот факт, одной из важнейших задач агитационно-пропагандистской работы была, с одной стороны, антирелигиозная кампания и подрыв влияния мусульманского духовенства на массы, а с другой поиск в его лице союзника. Органы ОГПУ отмечали, что агрессивные, жёсткие методы некоторых сотрудников часто приводили к обратному результату – люди чаще посещали церкви и молитвенные дома или пассивно сопротивлялись оголтелой атеистической пропаганде. Учитывая сильное влияние мусульманского духовенства и мусульманской интеллигенции на массы, советской власти приходилось искать новые, более мягкие формы антирелигиозной пропаганды[4,с.118]. Постепенно работники агитпропа научились вести антирелигиозную работу исподволь, критикуя больше не сами религиозные верования, а негативные личные качества служителей культа. Начиная с 1923 года им даже не рекомендовалось заходить, а тем более врывать в молитвенные дома до окончания обрядов или собраний. Однако уже во второй половине 20-х гг. от толерантного отношения к мусульманскому духовенству советская власть переходит к политике его вытеснения из всех сфер общественной жизни, используя в основном идейные разногласия в среде духовенства.

В целом, атеистическая пропаганда не смогла переломить религиозные чувства людей. Даже после 20 лет существования советской власти и постоянных пропагандистских высказываниях части горской интеллигенции о вредоносном влиянии на общественную жизнь всех форм религии и в особенности ислама[5,с.81] большое количество представителей национальных меньшинств оставались верующими.

Уже с первых дней установления Советской власти на юге России партийный комитет РКП(б) считал работу отдела национальных меньшинств особенно важной, отчетливо осознавая необходимость монополизации влияния на нацменьшинства в регионе. Окружные комитеты ВКП(б), выполняя указания ЦК, разворачивали агитационно-

пропагандистскую работу среди всего нерусского населения Кубани. Главным отличием кубанского отдела национальных меньшинств от отделов других областей и краев было большое количество наций и народов, среди которых приходилось вести работу[6,с.57].

Одним из решающих факторов в привлечении большей части адыгской интеллигенции к участию в агитационно-пропагандистской деятельности советской власти, ее пролетаризации, была активная пропаганда большевиками среди горцев положений принятой 2(15) ноября 1917 года Декларации прав народов России, где провозглашалось «неотъемлемое право народов России на самоопределение» и Обращение СНК к трудящимся мусульманам России и Востока. По мнению значительной части интеллигенции «непосредственное участие в организации работы новых органов власти, культурно-просветительских учреждений, создавало возможность влиять на общественно-политические и социально-культурные преобразования через легальные каналы»[7,с.116]. Немаловажным было и стремление некоторых представителей адыгской светской интеллигенции повысить свой социальный статус путем получения определенных привилегий при занятии ответственных должностей в структурах новой власти. Например, Сефербий Хацуцевич Сиюхов- один из адыгских просветителей, кто активно включился в работу по советскому строительству, сотрудничал с Военно-Революционным Комитетом по черкесским делам, в комиссариате по Горским делам выполнял ответственные поручения по подготовке и изданию политической, учебной и учебно-методической литературы на родном языке, занимался агитационно-пропагандистской деятельностью. Он же был избран председателем утвержденного 9 марта 1921 года Кубано-Черноморским исполкомом Горского исполкома с центром в г. Екатеринодаре[8,с.25].

Значительный вклад в осуществление агитационно-пропагандистской деятельности советской власти в регионе внесли соратники и единомыш-

ленники С. Сиюхова по советскому строительству в Адыгее Шахан-Гирей Умарович Хакурате-председатель облисполкома, аульские крестьяне – Селих Цей (а.Шенджий) и Мычыхуа Хатхов(а.Хатажукай), Мамсур Едиджи-представитель из Адыгеей во ВЦИК-е, Дауд Нашхович Гутекулов из Черкесии[9,с.27].

Следует отметить, что, несмотря на то, что адыгская национальная интеллигенция активно вовлекалась в агитационно-пропагандистскую деятельность советской власти, ее осуществление протекало в условиях тотального контроля и недоверия. Практически вся работа среди масс нерусского населения должна была вестись только с разрешения Кубано-Черноморского обкома и только на идеологической платформе большевиков. На восьмом заседании Кубано-Черноморского обкома, которое прошло 14 апреля 1920 г., для усиления контроля и улучшения работы партийный комитет предложил интернациональную секцию передать непосредственно в его ведение. Здесь же было принято решение об организации двух секций – Западной и Восточной[10,л.8]. Такой подход был связан с недоверием к представителям старой национальной интеллигенции, поскольку те из них, кто был задействован в работе советских и партийных органов, предпринимали попытки убедить власть в необходимости социалистических преобразований исходя из учета национальной специфики исторического развития народов[11,с.107], а агитаторы и пропагандисты, возглавлявшие проведение идеологической работы, видели свою главную цель в планомерном подрыве идейных позиций противников советской власти, в ликвидации их влияния на местное население и на солдат, а также в унификации исторического пути народов советского государства. Необходимо отметить, что в рамках этой цели, большевики прикладывали огромные усилия для денационализации адыгской интеллигенции, стремились сделать ее проводником интернациональных ценностей и культуры, ориентировали ее на идеологические задачи.

Не смотря на то, что привлечение национальной интеллигенции на сторону советской власти стало важным условием преобразования общественно-политической, культурной и хозяйственной жизни национальных регионов и органичного вписания их в советское геополитическое пространство[12,с.104], а одной из основных задач пропагандистской работы стала монополизация влияния большевиков на национальные меньшинства, первоначально представители новой власти вынуждены были привлекать для осуществления пропаганды и агитации неспециалистов, предварительно проводя среди них нужный инструктаж и необходимую подготовку. Результатом подобной политики стало изменение в большую сторону, количественного и в меньшую, качественного состава адыгской национальной интеллигенции.

Газета «Красная Кубань» 16 апреля 1920 г. в № 19 сообщала, что «при Кубано-Черноморском Комитете РКП организована восточная интернационалистическая секция, ставящая своей задачей ведение коммунистической агитации и пропаганды среди трудящихся армян, греков, персов, турок и горцев Кубано-Черноморской области»[13]. На общем собрании президиумов всех национальных секций Востока и Запада, которое состоялось 10 июня 1920 г. в помещении партийного комитета, обсуждался вопрос о предстоящей работе Интернационального отдела[14]. Однако подобное деление просуществовало непродолжительное время. Уже в декабре 1920 г. отдел по работе среди национальных меньшинств был упразднен, а его функции перешли к агитационно-пропагандистскому отделу, при котором был создан подотдел нацмен[15,л.39]. В него входили армянская (штат 3 человека), венгерская (штат 1 человек), горская (штат 3 человека), и, позже, эстонская секции[16,л.51,79]. В течение 1920-х гг. добавились греческая, немецкая, польская, тюрко-татарская и украинская секции[17,с.88]. К декабрю 1921 г. их было уже семь: немецкая, польская, чехословацкая, латышская, туркогорская, греческая и армянская. Функции

горской секции заключались главным образом в посредничестве между властью и населением.

Специалисты агитационно-пропагандистского отдела прилагали все усилия для того, чтобы не допустить межнациональной напряженности, поднять политический уровень национальных меньшинств и добиться их лояльности по отношению к новой власти. Регламентация работы национальных секции осуществлялась «Положением о национальных секциях при комитетах РКП(б)» [18, л.12, 12об]. Высшей инстанцией контролирующей работу национальных секций был ЦК партии, однако создание секций находилось в ведении местных органов власти. Возглавлялись секции «бюро». Учреждение новых секций находилось в сфере ведения местных обкомов или губкомов. В сферу деятельности подотдела нацмен входили все вопросы, затрагивающие интересы национальных меньшинств, в том числе и агитационно-пропагандистская работа.

В сентябре 1921 г. на второй партийной конференции национальных меньшинств Кубано-Черноморской области перед подотделом национальных меньшинств были поставлены новые задачи: «в области проведения новой экономической политики, популяризация нового советского строительства, стремление при помощи Советской политики вызвать в них заинтересованность в выполнении государственных повинностей и в сохранении Советской власти на почве сознания ими своих интересов» [19, л.1].

Активная агитационно-пропагандистская деятельность выдвинула на первый план проблему подбора кадров. В процессе создания агитационно-пропагандистских структур как в центре, так и на местах большевики использовали различные комбинации трех возможных путей решения кадрового вопроса: 1) назначение и подготовка имеющегося персонала для работы в сфере пропаганды и агитации; 2) создание специальных отделов по пропаганде и агитации из нанятых профессионалов; 3) привлечение консультантов [20, с.49].

В этих условиях, «для поднятия уровня сознательности членов партии»[21,с.550], для формирования «новой», социалистической, в том числе и национальной, интеллигенции стали создаваться специальные партийные школы. Например, 1 мая 1920 г в Майкопе происходил набор курсантов в открывшуюся Партийную школу. 350 принятых курсантов были разделены на три группы: агитационную, инструкторскую и продовольственную. Самой большой была группа агитационной направленности. Она насчитывала 200 курсантов[22,л.1]. С 1 августа 1936 г. она была реорганизована в Краевую школу пропагандистов и содержалась за счет Крайкома ВЛКСМ[23,л.16].

15 мая 1920 г. при политотделе тыловых частей была организована партийная школа для членов и кандидатов РКП(б). Коммунистические ячейки присылали слушателей из расчета на 10 членов – 1 слушатель, на 30 – 2, свыше 30 – 3. Занятия проводились с 7 до 10 часов вечера по адресу ул. Красная, дом окружного суда. Курс школы длился один месяц. Ответственность за несвоевременную отpravку людей в школу возлагалась непосредственно на Военкомов и президиум ячеек[24]. Еще 27 апреля 1920 г. заведующим школой был назначен Скуэ, которому было поручено разработать программу и положение о школе[25,л.15]. Вероятно, он был смещен с занимаемой должности, поскольку 17 июня 1920 г. временным заведующим партийной школой был назначен Павлюков[26,л.54]. 28 июня 1920 г., его сменил Фукс. Он был назначен постоянным заведующим партийной школой[27,л.66].

Для осуществления ускоренной подготовки опытных советских и партийных работников, которые могли бы немедленно отправиться в станицы, хутора и аулы Кубано-Черноморской области для правильной организации Советской власти, Кубано-Черноморский Областной комитет РКП(б) и Революционный комитет постановили к 25 июня 1920 г. открыть в г. Екатеринодаре Школу партийного и советского строительства на 300 человек

курсантов[28]. 6 июля 1920 г., в шесть часов вечера, в помещении дома Акритаса (угол ул. Красной и ул. Гоголевской) она была торжественно открыта. В дальнейшем Школа партийного и советского строительства сыграла значительную роль в подготовке местных пропагандистских кадров. Присылаемые на курсы должны были быть не моложе 18 лет, бегло читать и писать, обладать организаторскими способностями. В первую очередь рекомендовалось принимать на курсы членов партии, не занимающих ответственных должностей, во вторую – кандидатов партии, в третью – беспартийных, строго стоящих на платформе Советской власти, принимавших активное участие в борьбе с контрреволюцией, имея на то рекомендации от партийных комитетов, ячеек или ревкомов[29]. Предпочтение отдавалось курсантам и курсанткам местного происхождения. После окончания курсов все прослушавшие их должны были оставаться в распоряжении Кубано-Черноморского комитета для работы в области. Кроме того, 22 февраля 1924 г. в Центральном коммунистическом клубе (бывшая ул. Базарная, 35) начала занятия городская партийная школа. Ее слушателями были секретари райкомов и коммунистических ячеек[30,с.51].

Для вовлечения старой национальной адыгской интеллигенции в агитационно-пропагандистскую деятельность региональным властям рекомендовалось, наряду с вышеперечисленными мероприятиями, вести среди интеллигенции политическую деятельность, помогать старым кадрам всячески повышать квалификацию. Предлагалось организовывать курсы, доклады, лекции, снабжать их соответствующей литературой, привлекать интеллигенцию к практической работе, а главное устанавливать с ними нормальные, правильные с точки зрения новой власти взаимоотношения[31,с.117]. Местным органам власти предлагалось «убрать тон пренебрежения и недоброжелательности»[32,л.5] в отношении местной интеллигенции. В целом, подобные мероприятия давали большой процент положительных результатов, хотя на эффективность проводимых агитационно-

пропагандистских мероприятий, в первые месяцы после установления Советской власти, оказывала военно-политическая обстановка в Кубано-Черноморской области, где настроение населения менялось в «зависимости от силы и активности бело-зеленых банд»[33,л.3].Особенно сильно эта тенденция проявлялась в Майкопском отделе из-за «количественного и качественного роста банд бело-зеленых»[34,л.2].

Нельзя однозначно сказать, как набирались сотрудники секций и проследить их национальный и классовый состав, поскольку практиковались и общественные начала, и штатный состав. Учитывая данные, приводимые на коллегии Агитпропа в июне 1922 г., где говорилось о невозможности расширить работу национальных секций по причине очень маленького штата сотрудников и постоянного сокращения аппарата[35,л.43об], можно констатировать, что и здесь имелись определенные трудности с кадрами. Решить проблему с нехваткой кадров планировалось путем уменьшения количества секций. Острая нехватка прослеживается и в 1924 г., когда в отчете о работе агитпроп признает, что главным недостатком, мешающим и тормозящим работу, являлось отсутствие специально подготовленных сотрудников и литературы на национальных языках[36,л.14]. В этом же году Юго-Восточное бюро ЦК утвердило штатное расписание подотдела нацмен по краю. Кубано-Черноморскому областному комитету выделили три места инструкторов, Новороссийскому окружному комитету, а также Туапсинскому, Сочинскому, Армавирскому и Майкопскому партийным комитетам – по одному[37,л.16]. Кубано-Черноморский областной комитет партии с помощью инструкторов по работе среди национальных меньшинств, проверял работу секций. По каждой поездке составлялись отчеты, что давало возможность проведения анализа состояния работы секций и возможность ее корректировки.

В 1925 г., поскольку культурный и профессиональный уровень работников Агитпропа Кубано-Черноморской области в большинстве своем все

еще оставался невысоким, было принято решение о создании курсов для подготовки низовых профработников для национальных областей. В программу курсов, наряду с другими, были включены навыки чтения, письма, арифметики, мироведения, политграмоты, что говорит об отсутствии даже начальных знаний среди различных групп населения[38,л.16].

По новому положению о национальных секциях при окружных партийных комитетах на Северном Кавказе, утвержденному в 1925 г., усилилась агитационно-пропагандистская направленность секций. Теперь они создавались для ведения политико-просветительной и партийно-воспитательной работы среди национальных меньшинств. Подтверждалось, что бюро, состоявшее из 3–7 человек, отчитывалось за работу перед агитационно-пропагандистским отделом окружкома, собранием коммунистов данной национальности и краевой секцией подотдела нацмен. Координация работы секций осуществлялась совещанием секретарей бюро национальных секций при агитпропе с участием представителей исполкома, женотдела, Совпрофа, Красной Армии и комсомольских организаций. Для ведения отдельных отраслей работы создавались специальные комиссии. В районах для ведения работы среди национальных меньшинств выделяли 2–3 сотрудника[39,5,11].

В августе 1925 г. в Кубанском окружкоме подотдел нацмен был ликвидирован. Вместо него были созданы 4 секции: армянская, греческая, немецкая и украинская[40,л.2об]. Однако в архивных документах за 1926 г. фигурирует отчет о работе подотдела нацмен АПО Кубокружкома ВКП(б) за время с 1.10.1926 г. по 1.11.1927 г., где говорится что при Окружкоме было организовано 7 нацсекций и 2 уполномоченных нацмен[41,л.1], что свидетельствует о воссоздании подотдела нацмен в структуре Агитационно-пропагандистских отделов. В ноябре 1926 г. на заседании коллегии Нацмен при АПО Кубокружкома ВКП(б) было решено организовать при Окрженотделе коллегию нацмен в составе 7 человек для дальнейшего уси-

ления и углубления агитационно-пропагандистской работы среди женщин нацмен[42,л.89].

В целом, в 1926–1927 гг. работа по отдельным национальностям проводилась Бюро, Секциями и Уполномоченными, работу которых объединял подотдел нацмен в лице Нацколлегий в составе 11 человек[43,л.1]. Важно отметить, что в 1929 г. на Северо-Кавказском краевом совещании АППО говорилось, что в большинстве своем горская интеллигенция честно работает с советской властью и активно участвует в осуществлении хозяйственных, политических и культурно-просветительских мероприятий[44,с.48]

В 1923 г. при проведении волостизации были созданы волостные комитеты РКП(б) – волкомы. Они создавались в волостях с наиболее крупными коммунистическими ячейками для укрепления и координации партийной работы на местах. Июнь 1924 г. ознаменовался районированием Кубано-Черноморской области. Вместо нее создавалось четыре округа – Кубанский, Армавирский, Майкопский и Черноморский. Территория Краснодарского отдела вошла в состав Кубанского округа. С октября 1924 г. центром Северо-Кавказского края становится г. Ростов-на-Дону. Это изменило статус Краснодара. Он стал центром Кубанского округа и одновременно – Краснодарского района[45,с.77-78]. Ранее существующие партийные комитеты, в том числе и Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) (с декабря 1925 г. ВКП(б)), упразднились и их полномочия передавались Кубанскому округу. Округа в свою очередь делились на районы, а не на волости, соответственно волкомы были упразднены. Окружные партийные конференции становились высшим органом окружной партийной организации, а между ними – пленумы окружного комитета партии. Для разрешения текущих вопросов и осуществления постановлений пленумов были созданы Бюро Окркома (окружного комитета) и постоянно действующий аппарат Окркома. В его структуру входил агитационно-

пропагандистский отдел[46,л.26-29]. Районами руководили районные комитеты партии, также имевшие агитационно-пропагандистские отделы. Штатный состав Агитационно-пропагандистских отделов, Окркомов и Райкомов утверждался Крайкомом и, как правило, имел ту же структуру, что и краевой Агитпропотдел: 1 заведующий, 1 заместитель заведующего, 1 заведующий подотделом пропаганды, 1 лектор-пропагандист и 1 секретарь отдела. В некоторых округах утвержденный штатный состав и реально существующий не всегда совпадали[47,л.95]. Для координации работы Агитационно-пропагандистских отделов периодически собиралось краевое совещание Агитпропов[48,л.45], резолюции которого являлись руководствами для дальнейшей работы отделов в области агитации и пропаганды.

К концу 1924 г. становится заметно общее улучшение агитационно-пропагандистской работы низового советского аппарата. Прошлая рознь казаков, иногородних, крестьян и горцев на сословной и национальной почве не была полностью изжита за относительно короткий срок существования Советской власти на территории Кубани, однако к началу 1925 г. прошел перелом в настроении казачества, а к концу 20-х гг. удалось сгладить острые противоречия между сословиями и национальностями, укрепить советскую власть.

Таким образом, к концу 1928 г. большевики уже накопили громадный опыт ведения агитационно-пропагандистской работы среди различных слоев населения, что в значительной мере способствовало успешной идеологической работе в дальнейшем. К этому времени на Кубани была создана гибкая система по осуществлению агитационно-пропагандистской работы в которую активно вовлекались все слои населения, в том числе и национальная адыгская интеллигенция, которая в значительной степени претерпев качественные и количественные изменения, несмотря на определенное недоверие власти, все же способствовала формированию позитивного отношения адыгского народа к советской власти. Именно благо-

даря привлечению национальной интеллигенции к агитационно-пропагандистской работе, большевики смогли осуществить успешный диалог с инокультурной национальной средой и провести общественно-политические и социально-культурные преобразования в регионе, осуществить массовый процесс политизации трудящегося населения, что способствовало формированию дополнительных резервов для укрепления и пополнения коммунистических рядов. Необходимо отметить, что, если в первые месяцы после установления советской власти на Кубани агитационно-пропагандистская деятельность носила в основном разъяснительный характер, то с начала 1921 г. она приобрела яркое политическое содержание и стала одной из характерных черт общественной жизни.

В целом, в изучаемый период адыгская национальная интеллигенция являлась важным элементом осуществления политической пропаганды и агитации среди горского населения, выступала мощным и эффективным средством психологического воздействия в борьбе за становление и укрепление советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в.- начала 30-х гг. XX в.: научное издание. Краснодар, 2010.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX - начале XX века (материалы конференции 28-29 марта 1974 года). Нальчик, 1976.
6. Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.
7. Емтыль З.Я. Указ. соч.
8. Сефербий Сиюхов - адыгский просветитель. Майкоп, 1991.
9. Там же.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.1. Оп.1. Д.7.
11. Емтыль З.Я. Указ. соч.
12. Емтыль З.Я. Указ. соч.
13. Красная Кубань. 1920. 16 апреля.
14. Красное знамя. 1920. 9 июля.

- 15.ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.10.
- 16.ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.10.
- 17.Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20-40 гг. XX века. Дис. ...канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
18. ЦДНИКК. Д.170.
19. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.170.
- 20 Бочкарева А.С.Указ. соч.
- 21.КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Ч. 1.
22. ЦДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.246.
- 23.Там же. Ф. 820. Оп.1. Д.5.
- 24.Красное знамя. 1920. 14 мая.
25. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.7.
- 26.Там же.
- 27.Там же.
28. Красное знамя. 1920. 12 июня.
29. Красное знамя. 1920. 12 июня.
- 30.Бочкарева А.С. Указ.соч.
- 31.Емтыль З.Я. Указ.соч.
- 32.ЦДНИРО.Ф.7.Оп.1.Д.383..
- 33.ЦДНИКК.Ф.1.Оп.1.Д.120.
- 34.Там же.
- 35.ЦДНИКК. Ф.1.Оп.1.Д.202 а.
- 36.ЦДНИКК. Ф.9. Оп.1. Д.432.
- 37.ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.348.
- 38.ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.209.
- 39.ЦДНИРО. Ф.7.Оп.1. Д.166.
- 40.ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.89.
- 41.Там же. Д.408.
- 42.Там же. Д.304.
- 43.Там же. Ф.8. Оп.1. Д.408.
- 44.На культурном и идеологическом фронте: Материалы агитпроповещения: Северный Кавказ, 1929.
- 45.Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. (1973-1985). Краснодар, 1986
- 46.ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.99.
- 47.ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.21.
- 48.Там же. Д.236. Л.

References

1. Emtyl' Z.Ja. Adygskaja intelligencija: formirovanie i dejatel'nost' v istoricheskoj dinamike konca НН v.- nachala 30-h gg. НН v.: nauchnoe izdanie. Krasnodar,2010.
- 2.Там zhe.
- 3.Там zhe.
- 4.Там zhe.
5. Obshestvenno-politicheskaja mysl' adygov, balkarcev i karachaevcev v НН - nachale НН veka(materialy konferencii 28-29 marta 1974 goda).Nal'chik,1976.
- 6.Bochkareva A.S. Politicheskaja propaganda i agitacija partijno-sovetskih organov vlasti na Kubani v 20-egg. НН v. Dis. ...kand. ist. nauk. Krasnodar, 2007.
7. Emtyl' Z.Ja. Ukaz.soch.

8. Seferbij Sijuhov - adygsckij prosvetitel'. Majkop, 1991.
9. Tam zhe.
10. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja (CDNIKK). F.1. Op.1. D.7.
11. Emtyl' Z.Ja. Ukaz. soch.
12. Emtyl' Z.Ja. Ukaz. soch.
13. Krasnaja Kuban'. 1920. 16 aprelja.
14. Krasnoe znamja. 1920. 9 ijulja.
15. CDNIKK. F.1. Op.1. D.10.
16. CDNIKK. F.1. Op.1. D.10.
17. Ignatova M.E. Grechesckij i nemeckij (Vannovskij) nacional'nye rajony Krasnodarskogo kraja v 20-40 gg. HH veka. Dis. ...kand. ist. nauk. Krasnodar, 2005.
18. CDNIKK. D.170.
19. CDNIKK. F.1. Op.1. D.170.
20. Bochkareva A.S. Ukaz. soch.
21. KPSS v rezolucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK...Ch. 1.
22. CDNIKK. F.17. Op.1. D.246.
23. Tam zhe. F. 820. Op.1. D.5.
24. Krasnoe znamja. 1920. 14 maja.
25. CDNIKK. F.1. Op.1. D.7.
26. Tam zhe.
27. Tam zhe.
28. Krasnoe znamja. 1920. 12 ijunja.
29. Krasnoe znamja. 1920. 12 ijunja.
30. Bochkareva A.S. Ukaz. soch.
31. Emtyl' Z.Ja. Ukaz. soch.
32. CDNIRO. F.7. Op.1. D.383..
33. CDNIKK. F.1. Op.1. D.120.
34. Tam zhe.
35. CDNIKK. F.1. Op.1. D.202 a.
36. CDNIKK. F.9. Op.1. D.432.
37. CDNIKK. F.1. Op.1. D.348.
38. CDNIRO. F.7. Op.1. D.209.
39. CDNIRO. F.7. Op.1. D.166.
40. CDNIKK. F.8. Op.1. D.89.
41. Tam zhe. D.408.
42. Tam zhe. D.304.
43. Tam zhe. F.8. Op.1. D.408.
44. Na kul'turnom i ideologičeskom fronte: Materialy agitpropsoveshhanija: Sever-nyj Kavkaz, 1929.
45. Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovanija na Kubani. (1973-1985). Krasnodar, 1986
46. CDNIRO. F.7. Op.1. D.99.
47. CDNIRO. F.7. Op.1. D.21.
48. Tam zhe. D.236. L.